Digitized by the Internet Archive
in 2026

https://archive.org/details/zhizn-orthodox-life_1957-01_1

ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе къ журналу

„Православная Русь".

1

ЯНВАРЬ 1957 JANUARY

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
U. S. A.

Entered as second-class matter at the post office at Jordanville, New York

LIBRARY of the
PATRIARCH ATHENAGORAS
ORTHODOX INSTITUTE
at the GRADUATE
THEOLOGICAL UNION

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Два Слово въ недѣлю по Просвѣщеніи архіеп. Симона 3
Два событія. Быль. Инока 5
С. А. Рачинскій. Школьный походъ въ Нилову Пустынь. 8
Въ чемъ жизнь? Стихотвореніе А. А. Алексѣева 17
Пѣсня. Стихотвореніе Н. К. 18

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Житіе преп. о. нашего Маркіана 20
Житіе преп. о. нашего Іакова Низибійскаго 21
Житіе и страданіе св. свящ. Климента еп. Анкирскаго 23
Житіе Павлина милостиваго еп. Ноланскаго. М. В. 24
Крещенскій парадъ. Л. Черницы 26

Училище благочестія.

Каждодневное исповѣданіе и поминовеніе еп. Кирилла Туровск. 28
И мы будемъ такими . . . Стихотвореніе монаха Виталія 34

Усердно рекомендуется вниманію благочестивыхъ мірянъ. Отдѣльнымъ оттискомъ изданъ

Великій Канонъ.

ТВОРЕНІЕ СВ. АНДРЕЯ КРИТСКАГО,

чтомый въ понедѣльникъ, вторникъ, среду и четвертокъ первой седмицы Великаго Поста, и въ среду вечеромъ на 5-й седмицѣ Великаго Поста, съ приложеніемъ Житія преподобной Маріи Египетской, великій покаянный подвигъ которой прославляется св. Церковью въ эти святые дни поста.

Это изданіе даетъ возможность каждому присутствующему въ храмѣ при чтеніи Великаго Канона слѣдить за чтеніемъ, какъ равно и дома назидаться его глубокими мыслями, возбуждающими въ насъ спасительное чувство покаянія. Въ поученіи на день чтенія Великаго Канона говорится, что онъ «самую жесточайшую душу доволенъ умягчити и къ бодрости благой воздвигнути, аще точію съ сокрушеннымъ сердцемъ и вниманіемъ подобнымъ поется».

Стоимость этой книги — 1.00 долларъ.

Слово въ недѣлю по Просвѣщеніи.

ПРИСНОПАМЯТНАГО АРХІЕП. СИМОНА, НАЧАЛЬНИКА ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ КИТАѢ.

13/26 ЯНВАРЯ 1930 Г.

Нынѣшній воскресный день — недѣля «по просвѣщеніи», т. е. первый воскресный день по праздникѣ Богоявленія — возвѣщаетъ конецъ этого праздника, и мысль наша должна устремиться къ Пасхѣ. «Свѣтелъ убо мимошедшій праздникъ (т. е. Рождество Христово), свѣтлѣйшій же приходящій» (т. е. Богоявленіе). Такъ воспѣваетъ Св. Церковь первый день предпразднества Богоявленія. И въ другой день: «Воспоимъ людіе Рожденному отъ Дѣвы, и въ рѣцѣ Крещшемуся Іорданѣ, и къ Нему возопіимъ: Царю всякія твари, даруй намъ неосужденно чистою совѣстію вѣрно достигнути Твое святое изъ мертвыхъ тридневное востаніе». (На хвалитехъ — «и нынѣ» — 5 Янв.).

Итакъ, снова настало время готовиться къ Святой Пасхѣ. «Неосужденно чистою совѣстію, вѣрно» — вотъ какъ нужно достигать участія въ Свѣтломъ праздникѣ Святаго изъ мертвыхъ тридневнаго воскресенія Господа нашего Іисуса Христа. Покаяніе освобождаетъ отъ осужденія и очищаетъ совѣсть, и оно только можетъ приготовить насъ праздновать Пасху такъ, какъ подобаетъ вѣрнымъ.

Празднуя Богоявленіе, мы уже слышали, какъ Св. Іоаннъ, Предтеча Господень, призывалъ людей къ покаянію. «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» — взывалъ онъ. Въ Евангельскомъ чтеніи нынѣшняго дня мы слышали тотъ же призывъ изъ устъ Самого Господа Іисуса Христа. Въ слѣдующее воскресенье, Богъ дастъ, будемъ бесѣдовать о томъ, какъ покаялся Закхей-мытарь. А потомъ запоемъ: «Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче». И, наконецъ, наступитъ Святая Четыредесятница, т. е. Великій постъ.

Св. Іоаннъ Креститель, проповѣдуя во время оно покаяніе, грозно взывалъ: «Порожденія эхидны. Кто внушилъ вамъ бѣжать отъ будущаго гнѣва?» (Мѳ. 3. 7). — Это говорилъ Св. Іоаннъ Іудеямъ, которые, гордясь своимъ происхожденіемъ отъ Авраама, не считали для себя обязательнымъ итти путемъ покаянія, какъ указывалъ Іоаннъ. Вотъ если бы теперь воскресли и явились среди насъ Боговдохновенные творцы покаянныхъ пѣснопѣній и молитвъ, которые составили этотъ дивный чинъ покаянія, предлагаемый отъ праздника Богоявленія до Пасхи, — если бы, говорю, воскресли они и явились среди насъ, то не иное что, какъ приведенныя сейчасъ слова Св. Іоанна, сказали бы они и намъ.

Да, большинству, пожалуй, русскихъ людей слѣдуетъ грозно сказать: «порожденія эхидны, кто внушилъ вамъ, что для васъ не обязательно покаяніе по тому чину, какой установленъ въ Православной Церкви»? Почему вы предпочитаете службѣ Божіей увеселенія и мірскія дѣла? — Если вы хотите быть православными, то и не отступайте отъ церковнаго быта, а если у васъ свои праздники и свои уставы, то зачѣмъ вамъ и называться православными? — Но да не будетъ сего! — Покайтесь, и тогда придете въ Пасху въ церковь не какъ чужіе, т. е. не для того, чтобы только посмотрѣть службу и послушать пѣніе, а какъ свои, т. е. чтобы насладиться благодатнымъ торжествомъ.

Святый Іоаннъ Креститель, призывая людей къ покаянію, указывалъ на грядущій гнѣвъ, т. е. на неизбѣжный праведный судъ Божій. «Уже и сѣкира» говорилъ онъ «при корнѣ деревъ лежитъ: всякое дерево, не приносящее добраго плода, срубаютъ и бросаютъ въ огонь». (Мѳ: 3. 10). Пользуясь этимъ же образомъ — посѣченія безплоднаго дерева — и Господь говорилъ о грядущемъ на насъ судѣ Божіемъ. «Нѣкто», говорилъ Господь, «имѣлъ въ виноградникѣ своемъ посаженную смоковницу и пришелъ искать плода на ней и не нашелъ, и сказалъ виноградарю: вотъ я третій годъ прихожу искать плода на этой смоковницѣ и не нахожу. Сруби ее. На что она и землю занимаетъ. Но онъ сказалъ ему въ отвѣтъ: господинъ оставь ее и на этотъ годъ, пока я окопаю ее и обложу навозомъ, не принесетъ ли плода. Если же нѣтъ, то въ слѣдующій годъ срубишь ее» (Лук. **13,** 6-9).

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ изреченъ былъ такой судъ о русскомъ народѣ: сѣкира суда Божія занесена надъ корнемъ нашего государства, — взятъ былъ отъ насъ православный, чтущій Бога и Его законъ, Государь и его Наслѣдникъ. Въ притчѣ — виноградарь, т. е. садовникъ, проситъ господина оставить смоковницу на одинъ годъ въ надеждѣ сдѣлать ее плодоносною. А

русскому народу дано уже было двѣнадцать лѣтъ, въ теченіи которыхъ онъ осыпался навозомъ униженій и страданій. Но зародился ли добрый плодъ? — Вѣдь если добраго плода въ насъ не окажется, мы не избѣжимъ изреченнаго суда, и русскій народъ не будетъ воплощеніемъ Царства Божія на землѣ, оно отнимется у него: не будетъ церковнаго благолѣпія, праздники омрачатся и по мѣстамъ совсѣмъ упразднятся, не будетъ благочестивой семьи и школы, въ мирѣ и радости воспитывающей послушныхъ ангелоподобныхъ дѣтей, а будетъ вездѣ страхъ и злоба, коварство и взаимное недовѣріе, и сатанинская ненависть будетъ отравлять жизнь русскаго народа съ верха до низа. Вотъ что будетъ неминуемо, если русскіе люди не обратятся къ Богу.

Но пока карающая десница Божія еще простерта надъ нами и мы еще не поражены окончательно. Праведный Судія ожидаетъ нашего обращенія. Господь еще хранитъ русскую православную церковь — въ ожиданіи, что оставшіеся вѣрными Ему пастыри соберутъ овецъ стада Его въ ограду церкви. Но нива Христова такъ заросла тернами и волчцами, что и пастыри путаются въ нихъ.

Милостивый Господи! — укрѣпи оставшихся и воспитай новыхъ — сильныхъ — дѣлателей для нивы Твоей и насъ отпусти съ миромъ.

Два событія.

БЫЛЬ.

Хотѣніемъ не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему. Іез. 33, II.

Хочу подѣлиться воспоминаніями о двухъ событіяхъ, разновременныхъ и разномѣстныхъ, но которыя не могу не связать нѣкоею таинственной внутреннею связью. Пусть читатель попытается самъ отъ себя найти и осмыслить эту внутреннюю связь — во спасеніе души, въ назиданіе — а, можетъ быть, вспомнится каждому что нибудь самимъ испытанное, пусть даже и иное, и мало похожее, но съ такой же силою говорящее о Промыслѣ Господнемъ, надъ нами бодрствующемъ и Своимъ орудіемъ непосредственнымъ имѣющемъ Ангела-Хранителя, около насъ пребывающаго. Дѣтьми мы просто объ Ангелѣ-Хранителѣ мыслимъ, а съ возрастомъ уходитъ отъ насъ эта простота . . . Такъ вотъ, бываютъ "случаи", въ жизни, когда къ такому сознанію нарочито приводитъ насъ Господь. "Премудрость, прости!" . . .

Было мнѣ 19 лѣтъ. Пришелъ я навѣстить друга. Дома его не оказалось, а встрѣтили меня дѣти,съ которыми я и остался. Дочка лѣтъ пятнад-

цати и два сына, одному девять, другому одиннадцать лѣтъ. Былъ еще совсѣмъ маленькій Коля, онъ ходить не умѣлъ, только сидѣлъ.

Вотъ представьте себѣ картину.

Дочь хозяина, Саша, сидитъ у стола за рукодѣліемъ, два младшихъ брата готовятъ уроки, сидя отъ нея съ лѣвой стороны за тѣмъ же столомъ. Малышъ Коля сидитъ на окнѣ. Мнѣ это сразу не понравилось. Саша объясняетъ, что Коля такой ревунъ, что только и молчитъ, когда, сидя на окнѣ, можетъ наблюдать все кругомъ — и то, что дома дѣлается, и что снаружи происходитъ.

Прошло минутъ пять.

Вдругъ, прислоняется дитя къ рамѣ окна, окно раскрывается, и Коля летитъ внизъ.

Я вижу, какъ убѣгаетъ Саша съ крикомъ — "Коля упалъ!"

Я вижу, какъ мелькаютъ голыя пятки Колиныхъ ногъ за окномъ. Я срываюсь съ мѣста, бросаюсь къ окну, падаю грудью на подоконникъ и правой рукою хватаю Колю за рубашонку.

Какъ это могло произойти?

Коля въ воздухѣ на мгновеніе остановленъ былъ чьей то невидимой рукой, чтобы я могъ успѣть схватить его.

Домъ былъ двухэтажный, а мостовая внизу каменная — смерть неминуемая Колѣ грозила. А у меня долго, въ напоминаніе объ этомъ событіи, болѣла грудь отъ удара о застежку рамъ на окнѣ.

Тогда же задумался я надъ тѣмъ, какъ избавленъ былъ отъ неминуемой смерти этотъ только начинающій жизнь человѣкъ! Вѣдь надо было мнѣ надумать пойти въ домъ друга моего. Надо было почему то остаться съ дѣтьми его, хотя я не засталъ его дома. А самое спасеніе? Чудомъ оно въ моемъ сознаніи запечатлѣлось. А обновилось это воспоминаніе много лѣтъ спустя — передъ лицомъ чуда еще болѣе дивнаго и уже надъ мною совершеннаго Ангеломъ Хранителемъ . . .

Это было уже, когда измѣнилось все въ Россіи. Позорно кончилась Міровая Война. Убитъ Государь. Милліоны людей русскихъ гибли. Разразграблено личное, церковное и народное достояніе. Обезличенъ оставшійся на мѣстахъ русскій народъ, изъ хозяина превращенный въ безгласнаго раба.

Я, двадцатишестилѣтній офицеръ, состоялъ въ рядахъ Добровольческой Арміи, въ составѣ третьяго коннаго корпуса подъ командою ген. А. Г. Шкуро. Участвовалъ во всѣхъ бояхъ отъ Таганрога до Воронежа. Трагически кончается наша борьба. Пасху 1920 г. встрѣчаемъ уже въ Сочи. Хранилъ меня Господь — никакія опасности не коснулись меня на поляхъ сраженій. Но, видно, надо было и мнѣ испытать всю глубину страданій и моральныхъ и физическихъ. Заболѣваю я тропической маляріей. Да какъ! Припадками ея въ два-три дня такъ оказался истрепанъ, что не только по комнатѣ пройти, а и стоять не въ силахъ былъ. Въ вѣсѣ убавился на половину. Всѣ мѣры къ моему спасенію принимались. Люди моей части были какъ родные — готовые пожертвовать своей жиз-

нью для спасенія другого. И это не на словахъ, а доказывалось все время на дѣлѣ.

Сталъ я поправляться — съ палочкой уже ходилъ.

Во второй половинѣ апрѣля 1920 г. приходитъ нашей части распоряженіе: отправиться въ Новый Городъ, расположенный близь Гагръ. Здѣсь насъ ожидалъ большой корабль подъ именемъ "Святой Николай" для эвакуаціи. Началась погрузка. Дошла очередь до меня войти на плашкоутбарку. Въ это время началась буря. Капитанъ корабля объявляетъ: больные, женщины, дѣти пусть первыми поднимаются на пароходъ. Сестры милосердія, да и всѣ кругомъ требуютъ отъ меня, чтобы поднимался я. Ничего не оставалось мнѣ, какъ только слушаться. Встаю на вертикально спущенный трапъ и потихоньку, чтобъ хватило силъ, начинаю подниматься. Вотъ остаются двѣ перекладины до палубы. Но тутъ силы внезапно падаютъ. Засовываю руку какъ можно глубже въ полу шинели на перекладинѣ, но пальцы перестаютъ повиноваться, ноги трясутся отъ слабости. Разыгралась буря. Гребни волнъ достигаютъ моихъ ногъ, а когда падаютъ — раскрывается внизу глубокая водяная яма. Могила! Готовъ ли къ ней? Нѣтъ! Не думалъ о могилѣ, не готовился къ ней. Но вотъ-вотъ — падаю! Господи! Проносится послѣдняя мысль жизни. Не чувствую больше ни рукъ ни ногъ. Аминь!

Въ это время ощущаю ударъ въ спину — и поднимаюсь на воздухъ. Высвобождаю руки — я на палубѣ "Святителя Николая" . . .

Поднимаю голову. Узнаю спасителя. То былъ терскій казакъ, съ которымъ начиналъ я службу въ Добровольческой арміи весной 19-го года въ Стрѣлковомъ полку 1-й Терской конно-казачьей дивизіи.

Что побудило его придти ко мнѣ на помощь?

Вотъ, что онъ мнѣ повѣдалъ:

— Сижу я на лѣстницѣ, ведущей на заднюю кормовую площадку корабля. Вблизи никого нѣтъ. Закурилъ. Вдругъ слышу голосъ: "Идите"! Повелительный голосъ. Осмотрѣлся — никого нѣтъ! Успокоился. Вторично слышу тотъ же голосъ: "Да идите-же!".

—Это звучало уже призывомъ, еще болѣе повелительнымъ. Я не могъ не повиноваться. Всталъ и пошелъ — куда, самъ не знаю. Дойдя до среднихъ каютъ корабля, повернулъ на право — вмѣсто того, чтобы идти на лѣво по проходу — и уткнулся въ бортъ. Передо мною — падающій человѣкъ. А когда я схватилъ его за спину, то онъ показался мнѣ такимъ легкимъ, что я безъ труда поднялъ его на палубу одной рукой . . .

Къ сожалѣнію, не сохранила память имени спасителя.

Было время — я былъ орудіемъ Ангела-Хранителя, мощно мнѣ помогшаго спасти ребенка. А тутъ сталъ бы самъ я жертвою неминуемой смерти, если бы Ангелъ-Хранитель орудіемъ своимъ не избралъ близкаго мнѣ человѣка, опять же своей мощною помощью сдѣлавъ осуществимымъ это спасеніе.

Не Одного ли мы Отца — дѣти? Не Одного ли Тѣла члены? Если только — Христовы мы!

Инокъ.

С. А. Рачинскій.
Школьный походъ въ Нилову пустынь.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ.

Ребята всѣ вскочили въ четвертомъ часу и побѣжали къ ранней обѣднѣ; я же остался дома, чтобы писать письма. Тѣмъ не менѣе, къ концу обѣдни я поспѣлъ, и, когда она отошла, мы отслужили молебенъ у мощей Преподобнаго. Церковь была полна молящихся. Когда мы изъ нея вышли, свѣтило яркое солнце, и, хотя продолжалъ дуть сѣверный вѣтеръ, въ затишьи между монастырскими зданіями было тепло. Мы вернулись въ гостиницу, и началось чаепитіе. Не успѣло оно кончиться, какъ подъ окнами раздались радостные клики. По площадкѣ передъ чайною разгуливалъ монастырскій павлинъ,и всѣ ребята высыпали на дворъ—любоваться этимъ невиданнымъ зрѣлищемъ. Тщеславная птица, очевидно понимая, что всѣ заняты ею, то распускала свой пышный хвостъ, величаво поворачиваясь во всѣ стороны, то бережно складывала его; то подбѣгала къ дѣтямъ, притворяясь, что хочетъ ихъ клюнуть, то быстро убѣгала и снова распускала на солнцѣ свои радужныя перья. Наконецъ, ребята оцѣпили павлина широкимъ кругомъ и принялись кормить его бѣлымъ хлѣбомъ. Новая радость! Павлинъ близко подходилъ къ каждому, заглядывалъ въ глаза, бралъ хлѣбъ изъ рукъ; можно было разсмотрѣть всѣ переливы на его сверкающей шейкѣ, всѣ перышки въ его изящномъ хохолкѣ...

Мои рисовальщики и я воспользовались промежуткомъ между раннею и позднею обѣднею, чтобы набросать нѣсколько видовъ монастыря. Яркое солнце играло на неутихшей поверхности озера; со всѣхъ сторонъ неслись къ острову разнообразныя лодки и лодочки, наполненныя богомольцами; изъ-за лѣсистаго мыса выбѣжалъ пароходъ, съ громкимъ свистомъ разгоняя снующую по озеру мелюзгу, замедлилъ ходъ, скользнулъ въ пристань и выпустилъ на берегъ цѣлую толпу богомольцевъ. Тотчасъ затѣмъ раздался густой ударъ большаго колокола. Мы всѣ отправились въ соборъ.

Въ соборѣ ребята мои были уже какъ дома. Поощряемые монахами, они прямо заняли первыя мѣста, на широкихъ ступеняхъ громадной солеи. Мнѣ дали мѣсто на лѣвомъ клиросѣ, и у моихъ ногъ посадили на коврикѣ моего милаго горбунка Тимошу, слишкомъ слабаго, чтобы выстоять всѣ службы. Я могъ видѣть его взоръ, устремленный кверху, съ тѣмъ выраженіемъ, которое удалось понять и уловить одному Рафаэлю, въ лицахъ двухъ ангеловъ Сикстинской Мадонны.

Началась поздняя обѣдня, торжественная и пышная, при блескѣ солнца, при пѣніи двухъ многоголосныхъ хоровъ. На правомъ клиросѣ пѣлъ смѣшанный хоръ и исполнилъ весьма искусно рядъ весьма сложныхъ и щеголеватыхъ пѣснопѣній неизвѣстныхъ мнѣ авторовъ, въ стилѣ Галуппи. На лѣвомъ клиросѣ пѣлъ хоръ изъ мужскихъ голосовъ.

Увы! За истекшія двѣнадцать лѣтъ характеръ пѣнія въ Ниловой Пустыни значительно измѣнился, и измѣнился не къ лучшему. Смѣшанный хоръ (съ участіемъ мальчиковъ пѣвчихъ) выигралъ въ техникѣ, но выборъ исполняемыхъ имъ пѣснопѣній сталъ крайне плохъ, чуждъ характера не только монастырскаго, но и вообще церковнаго. Еще прискорбнѣе паденіе традиціоннаго пѣнія на мужскихъ голосахъ, коимъ доселѣ славилась Нилова Пустынь. Пѣніе это составляетъ драгоцѣнное достояніе нашихъ древнихъ монастырей и только въ нихъ можетъ быть поддержано на должной высотѣ. Красота этого пѣнія коренится въ столь полномъ усвоеніи напѣвовъ осьми церковныхъ гласовъ и напѣвовъ самогласныхъ, какое возможно только монаху, обязанному всю жизнь пѣть въ церкви ежедневно. Пѣніе это положено на ноты быть не можетъ, ибо тексты пѣснопѣній ежедневно мѣняются, обусловливая безпрестанныя варіяціи въ ритмѣ, приглашая къ варіяціямъ и въ самой мелодіи и ея гармонизаціи. Такимъ образомъ въ пѣніе, напримѣръ, стихиръ на *Господи воззвахъ*, сѣдальныхъ и т. п. постоянно входитъ элементъ безсознательной импровизаціи, безъ коей пѣніе не можетъ достичь полной силы и жизненности. Тутъ смысломъ текста, его просодіею подсказываются акценты, опредѣляется умѣстность украшеній, которыя позволяетъ себѣ тотъ или другой голосъ. Понятно, что такая свобода отдѣльныхъ голосовъ при пѣніи многоголосномъ возможна только въ хорѣ, твердо дисциплинированномъ незыблемымъ преданіемъ, спѣвшемся, такъ сказать, проникнутомъ единымъ пониманіемъ нашихъ церковныхъ напѣвовъ, чреватыхъ столь безконечнымъ рядомъ законныхъ и выразительныхъ варіяцій.

Восемь лѣтъ тому назадъ, мы попали въ Нилову Пустынь наканунѣ дня Апостола Іуды. Стихиры на *Господи воззвахъ* были пропѣты съ такою силою, съ такою чеканкою каждаго слова, каждаго звука, что текстъ ихъ остался у меня въ памяти до сихъ поръ. Краткія колѣна, на слова: *Іуда чудный! — Яко молнія*, при каждомъ повтореніи, конечно безсознательно, пѣлись съ легкими видоизмѣненіями, эффекта потрясающаго по своей умѣстности и простотѣ.

Нынѣ въ Ниловой Пустыни всего около двадцати монашествующихъ. Изъ нихъ на клиросѣ поетъ человѣка три, четыре. Остальные пѣвцы — люды посторонніе, такъ или иначе связанные съ монастыремъ, и между ними есть голоса прекрасные. Но въ хорѣ нѣтъ той цѣльности, той спокойной увѣренности, которая даетъ возможность совершенно свободнаго пѣнія. Нѣтъ болѣе той отчетливости въ произношеніи текстовъ, того сліянія пѣнія съ ихъ смысломъ. На торжественныхъ всенощныхъ къ мужскимъ голосамъ присоединены дѣтскіе, что возвышаетъ красоту звуковъ, но еще болѣе затемняетъ ихъ смыслъ, ибо этого смысла дѣти вполнѣ понять не могутъ.

Тотчасъ послѣ обѣдни насъ накормили обѣдомъ, а промежуткомъ между обѣдомъ и вечернею мы воспользовались для прогулки на берегъ озера. Берегъ этотъ съ сѣверо-востока вдается въ озеро длиннымъ мысомъ, на-

правленнымъ къ острову Столобному, и конецъ этого мыса образуетъ живописный полуостровъ, заросшій старыми соснами, между коими возвышается приписанная къ монастырю церковь Михаила Архангела. Полуостровъ этотъ называется Свѣтицею и такъ близко подходитъ къ сѣверо-восточному углу острова, что сообщается съ нимъ посредствомъ парома. Самая Свѣтица представляетъ высокій сухой горбыль, съ коего открывается великолѣпный видъ на озеро и на монастырь. Долго любовались мы этимъ видомъ, сидя на склонѣ горбыля, защищенные отъ вѣтра густымъ сосновымъ боромъ. По озеру, по всѣмъ направленіямъ, сновали безчисленныя лодки, и нѣкоторые изъ старшихъ моихъ спутниковъ, въ томъ числѣ живописцы, наняли одну изъ нихъ, чтобы посѣтить расположенную верстахъ въ четырехъ часовню съ чудотворною иконою Троеручицы. Я же съ остальными ребятами обошелъ весь полуостровъ по высокому краю сосновой рощи. Роща эта прекрасна; сосны то сдвигаются въ густыя массы, то, разступаясь, оставляютъ между собою обширныя полянки, на коихъ стоятъ отдѣльными экземплярами старыя рябины рѣдкой красоты, съ прямымъ толстымъ стволомъ и роскошною правильною кроною. Низкая мурава этихъ полянъ вся испещрена золотыми цвѣтками очитка и пурпурными кистями тиміана. Вернулись мы въ монастырь задолго до вечера и успѣли еще побесѣдовать съ о. Евлампіемъ, старымъ монахомъ, знакомымъ намъ по прежнему путешествію, осмотрѣть монастырскій садъ и посѣтить пещеру, вырытую, по преданію, самимъ Преподобнымъ. Къ вечернѣ вернулись наши товарищи съ набросками посѣщенной ими часовни. Небо опять покрылось тучами, сталъ накрапывать дождь.

Началась вечерня. Въ соборѣ царствовалъ мягкій полумракъ, и онъ казался еще обширнѣе, еще величественнѣе, чѣмъ при солнечномъ свѣтѣ. Причудливая рѣзьба иконостаса утратила свои рѣзкія очертанія. Одно сіяніе надъ царскими вратами продолжало отражать серебристымъ блескомъ задумчивый свѣтъ, падавшій изъ купола, да сверкала позолота отъ множества свѣчей, зажженныхъ у раки Преподобнаго. Пѣніе шло на однихъ мужскихъ голосахъ, не столь величественно и стройно, какъ восемь лѣтъ тому назадъ. Тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе службы, неспѣшной и осмысленной, было благотворно и сильно. Тихо и стройно, съ невольнымъ пониженіемъ голосовъ подъ ладъ густѣющимъ сумеркамъ, развертывались длинныя моленія повечерія и акаѳиста. Великолѣпный конецъ вечернихъ монастырскихъ службъ, — поклонъ настоятеля братіи съ моленіемъ о прощеніи, былъ, какъ всегда, величественъ и трогателенъ. Торжественно и призывно прозвучали послѣднія слова величанія, обращеннаго къ мощамъ Преподобнаго: "Наставниче монаховъ и собесѣдниче ангеловъ!"

Мы вышли изъ церкви. Сѣрая пелена дождевыхъ тучъ вдругъ разодралась на сѣверо-западѣ, надъ уже закатившимся солнцемъ. Мы съ живописцами поспѣшили выбѣжать на сѣверную набережную острова. Нѣж-

нопурпурное сіяніе озаряло небосклонъ, окаймляло нижніе края густо нависшихъ тучъ. Озеро волновалось, и его свинцовая зыбь вся была испещрена алыми блестками. Но дулъ свирѣпый холодный вѣтеръ. Я поспѣшилъ въ гостинницу, но уже успѣлъ простудиться.

Насъ ожидалъ роскошный ужинъ. Прислали намъ даже монастырскаго пива, коего мы отвѣдали, ибо наше общество трезвости допускаетъ вкушеніе пива домашняго приготовленія.

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ.

Ночью меня сильно знобило, и поэтому ребята пошли къ утренѣ безъ меня, а я попалъ только къ ранней обѣднѣ. Было рѣшено тотчасъ послѣ нея отправиться въ Осташковъ, чтобы поспѣть къ поздней обѣднѣ въ Вознесенскомъ монастырѣ, а затѣмъ двинуться въ обратный путь. Монахи предложили намъ послѣ обѣда отслужить для насъ безвозмездно молебенъ о путешествующихъ у мощей Преподобнаго, и молебенъ былъ отслуженъ торжественно, послѣ чего каждаго изъ насъ благословили кипарисным крестикомъ.

Едва успѣли мы собрать свои пожитки и сѣсть на пароходъ. Погода стояла все та же, вѣтряная и холодная, и я почти все время переѣзда просидѣлъ въ каютѣ, бесѣдуя съ однимъ изъ монаховъ Пустыни, ѣхавшимъ съ нами. Онъ сообщилъ мнѣ любопытныя свѣдѣнія о количествѣ богомольцевъ, посѣщающихъ Нилову Пустынь. Количество это цѣнится различно и въ точности опредѣлено быть не можетъ, ибо ведется счетъ лишь богомольцамъ, ночующимъ въ Пустыни, количество же богомольцевъ, по вечерамъ уѣзжающихъ ночевать на берегъ, ускользаетъ отъ всякаго контроля. Количество это весьма значительно, ибо во времена сильнаго наплыва богомольцевъ монастырскія зданія, несмотря на ихъ обширность, и десятой ихъ доли вмѣстить не могутъ. Собесѣдникъ мой считалъ количество богомольцевъ, посѣщающихъ пустынь въ день обрѣтенія мощей Преподобнаго, тысячъ въ 15, количество богомольцевъ, посѣщающихъ ее въ теченіе Великаго поста, тысячъ въ 30; за весь годъ тысячъ въ 100. Ко дню обрѣтенія ежегодно печется 5000 хлѣбовъ (по 20 фунтовъ) и на печеніе просфоръ расходуется 25 мѣшковъ муки (по 5 пудовъ). Цифра моего собесѣдника не показалась мнѣ преувеличенною въ виду множества молящихся, наполняющихъ соборъ въ обыкновенные воскресные и даже будничные дни, въ виду множества лодокъ, безпрестанно привозящихъ и отвозящихъ посѣтителей, въ виду распространенности въ нашихъ краяхъ обычая — ходить на богомолье къ Угоднику.

Такой наплывъ богомольцевъ, конечно, объясняется широкимъ гостепріимствомъ обители, ея образцовыми службами, высокою жизнью отдѣльныхъ монаховъ, всецѣло преданныхъ служенію Богу и меньшей братіи, стекающейся въ монастырь. Во всемъ этомъ воплощается духъ Преподобнаго, до сихъ поръ витающій въ обители. Само собою разумѣтся, что

малочисленность монашествующихъ значительно затрудняетъ полное проявленіе этого духа. Обширное монастырское хозяйство, красота церковныхъ службъ требуетъ привлеченія къ дѣлу множества лицъ, не монашествующихъ, сами же монахи обременены трудами. Но нѣтъ сомнѣнія, что уменьшеніе числа иноковъ въ Ниловой Пустыни есть явленіе случайное и временное: мы видимъ, что монастыри, несравненно менѣе богатые и славные, привлекаютъ многочисленныхъ послушниковъ и монаховъ.

Въ Осташковѣ насъ постигло разочарованіе. Въ Вознесенскомъ монастырѣ, по случаю передѣлокъ въ главномъ храмѣ, не было поздней обѣдни. Поэтому мы рѣшились въ тотъ же день, послѣ ранняго обѣда, пуститься въ обратный путь.

Время до обѣда я употребилъ на разысканіе описаній посѣщенныхъ нами святынь. Это удалось не вдругъ. Въ публичной библіотекѣ по части мѣстныхъ церковныхъ древностей, не нашлось ничего. Но мнѣ посовѣтовали обратиться въ земскую управу, гдѣ я пріобрѣлъ обстоятельное описаніе Осташкова (В. Покровскаго); въ управѣ же мнѣ указали на мѣстнаго археолога о. Владиміра Успенскаго. Этотъ послѣдній принялъ меня съ полнымъ радушіемъ и подарилъ мнѣ составленное имъ историческое описаніе Ниловой Путыни (коего въ самой Пустыни пріобрѣсти нельзя). Онъ же — авторъ обстоятельныхъ описаній монастыря Селижаровскаго и Житнаго и села Оковицы. Эти описанія я пріобрѣлъ на мѣстахъ.

Послѣ сытнаго обѣда мы выступили въ походъ въ три четверти перваго. Погода стояла по прежнему холодная, и рѣзкій вѣтеръ, хотя и попутный (шли мы на югъ), дѣлалъ ходьбу по сыпучимъ пескамъ еще болѣе утомительною. Съ горы, предшествующей Сиговкѣ, мы еще разъ взглянули на Осташковъ, на тревожную зыбь Селигера, на блестящіе куполы Пустыни, на темныя сосны Свѣтицы. Въ самой Сиговкѣ мы сдѣлали краткій, но неудачный привалъ. Насъ задулъ холодный вѣтеръ, мы напились холодной воды быстрой Сиговки и окончательно продрогли. Вторую половину перехода я совершилъ съ трудомъ. Меня трясла лихорадка и, прибывъ въ Зехново, я тотчасъ слегъ. Ребята, впрочемъ, дошли совершенно бодрые, и лишь нѣкоторые изъ старшихъ жаловались на ознобъ. Тотчасъ былъ пущенъ въ ходъ хининъ, съ полнымъ успѣхомъ. Пошли мы рано и всѣ исподволь напились чаю и поужинали: была совершена полная вечерняя молитва, къ великой радости хозяевъ. Напившись чаю, я почувствовалъ себя лучше и къ утру крѣпко заснулъ.

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ.

Ночью вѣтеръ значительно ослабѣлъ. Свѣжее, сѣрое утро предвѣщало пріятный переходъ. Тѣхъ не менѣе, чувствуя еще слабость отъ вчерашней лихорадки, я рѣшился доѣхать до Селижарова, тѣмъ болѣе, что тамъ предстояло усиленное рисованіе, для чего я и взялъ съ собою и Николю. Хозяйка проводила насъ обычными комплиментами на счетъ моихъ ребятъ и просьбами — взять съ собою въ мою школу зехновскихъ сиротъ.

До Селижарова доѣхали мы быстро, по ровной. отличной дорогѣ. Солнце стало проглядывать сквозь туманную дымку и замѣтно пригрѣвать. Мы съ Николею тотчасъ отправились въ монастырь — рисовать, и въ оградѣ его, подъ защитою стѣнъ и зданій, намъ было тепло. Незамѣтно прошло время до прибытія ребятъ, которые пришли совершенно здоровые и бодрые, очень довольные краткимъ, легкимъ переходомъ.

Селижаровскій монастырь мы осмотрѣли во всѣхъ подробностяхъ. Главную красу его составляетъ Троицкій соборъ, отлично сохраненная постройка XVII-го вѣка, съ пятью стройными главами, возвышающимися надъ квадратнымъ трибуномъ. Прелестные столбы, поддерживающіе шатеръ надъ главнымъ входомъ въ соборъ, составляютъ легкую варіацію столбовъ, украшающихъ шатеръ надъ Святыми воротами. Вполнѣ сохранены любопытныя кафли съ рельефнымъ изображеніемъ льва (гербъ Ржевскаго уѣзда), украшающія цоколь зданія. Онѣ только закрашены густою бѣлою краскою. Наличники оконъ представляютъ много интереснаго. Вглядываясь въ нихъ, я убѣдился, что большая доля ихъ живописнаго эффекта, помимо оригинальности рисунка, зависитъ отъ грубой, но совершенно свободной каменотесной работы. Легкія отступленія отъ безусловной симметріи, шероховатость работы, произведенной, очевидно, самыми первобытными орудіями, но рукою, не связанною обязательнымъ шаблономъ, придаютъ имъ ту живость и выразительность, которая отличаетъ, напримѣръ, крестьянское шитье, крестьянскія кружева отъ аккуратныхъ фабричныхъ издѣлій того же рисунка.

Въ монастырѣ есть еще другая церковь — Петропавловская, относящаяся къ XVI-му вѣку. Къ сожалѣнію, древній верхъ ея замѣненъ круглымъ куполомъ Александровскихъ временъ. Свой древній характеръ сохранила только абсида алтаря, которую тщательно срисовалъ Николя.

Въ Селижаровѣ моихъ ребятъ отлично покормили, но одного изъ нихъ у меня чуть не похитили. Мальчикъ этотъ, изъ мѣщанъ, въ Селижаровѣ неожиданно встрѣтилъ своего отца, уже нѣсколько лѣтъ обрѣтавшагося въ бѣгахъ. Тутъ же оказались его дѣдъ и тетки по отцу, и вся эта семья настаивала на томъ, чтобы я мальчика ей отдалъ. Но такъ какъ онъ былъ порученъ мнѣ матерью, я, не безъ труда, отстоялъ мальчика, предоставляя мужу и женѣ вѣдаться между собою на счетъ его будущей судьбы.

Выступили мы въ походъ въ три часа. Предстоялъ переходъ длинный и утомительный, по гористой, каменистой мѣстности. На полпути мы сдѣлали привалъ, закусили баранками, и я сѣлъ въ тарантасъ съ Николею, чтобы онъ успѣлъ нарисовать до захода солнца Оковецкую церковь, а я — распорядиться ужиномъ для моей многочисленной семьи. Оставивъ Николю на высокой горѣ подъ Оковцами, съ коей видъ на церковь и село особенно живописенъ, я отправился на постоялый дворъ къ отцу нашего знакомаго Алеши, который съ радостью согласился всѣхъ насъ помѣстить у себя. Тотчасъ послали къ сосѣдямъ за добавочными самоварами, купили для ребятъ мятныхъ пряниковъ и принялись гото-

вить сытный ужинъ. Николя вскорѣ явился ко мнѣ съ своимъ рисункомъ, и весь нашъ караванъ прибылъ раньше, чѣмъ мы его ожидали. Безъ меня ребята, очевидно, шли слишкомъ быстрымъ шагомъ, ибо они дошли до Оковецъ крайне утомленные. Чаепитіе, приготовленія къ ужину затянулись. Всѣхъ ребятъ клонило ко сну, и поэтому мы совершили вечернюю молитву въ самомъ сокращенномъ видѣ.

Два слова объ этихъ молитвахъ. Онѣ совершаются у насъ въ полномъ составѣ, съ пѣніемъ, неспѣшно, и поэтому длятся отъ 20-ти до 25-ти минутъ. Многимъ такое моленіе кажется продолжительнымъ, для малыхъ дѣтей утомительнымъ. Я самъ держался этого мнѣнія, и долго мы ограничивались пѣніемъ *Отче Нашъ* и *Достойно есть* (утромъ *Царю Небесный* и *Богородице Дѣво*) — и чтеніемъ *одной* избранной молитвы, которую я читалъ самъ, ежедневно мѣняя ее. Но ученики такъ полюбили эти молитвы, что послѣ общаго моленія старшіе стали собираться въ отдѣльную комнату, чтобы прочитать ихъ въ полномъ составѣ. Наконецъ, они воспользовалсь краткою моею болѣзнью, заставившею меня переселиться на нѣсколько дней изъ школы въ домъ, чтобы ввести общее чтеніе всѣхъ молитвъ по мѣсяцеслову. Я, разумѣется, былъ этому очень радъ и позаботился о томъ, чтобы придать этимъ моленьямъ возможную стройность. Начальный и заключительный возгласъ произносится (въ формѣ, предписанной мірянамъ) однимъ изъ учителей; одинъ изъ младшихъ учениковъ произноситъ наизусть молитвы начальныя и 12-тикратное *Господи помилуй* по пѣніи тропарей. Одинъ изъ старшихъ учениковъ читаетъ всѣ молитвы вечернія, хоръ поетъ *Взбранной Воеводѣ* и *Достойно*. Очереди не соблюдается, ибо дозволеніе читать молитвы есть нѣкотораго рода награда за успѣхъ въ церковномъ чтеніи. Такъ какъ чтеніе подъ рядъ всѣхъ десяти вечернихъ молитвъ для маленькихъ чтецовъ нѣсколько утомительно, оно прерывается на срединѣ пѣніемъ *Свѣте тихій* или тропаря ближайшаго праздника. Иногда вечернія молитвы замѣняются Акаѳистомъ или инымъ молитвеннымъ послѣдованіемъ. Подобнымъ тому порядкомъ совершаются молитвы утреннія.

Въ случаѣ нужды, конечно, допускаются всѣ возможныя сокращенія. Нужда эта, въ нашей практикѣ, представлялась только во время путешествія, вслѣдствіе утомленія ребятъ. Само собою разумѣется, что такой порядокъ умѣстенъ только въ школахъ съ общежитіемъ. Исполненіе молитвъ вечернихъ и утреннихъ передъ уроками и послѣ нихъ, т. е. среди бѣла дня, практикуемое въ нѣкоторыхъ школахъ, не имѣетъ смысла и поэтому обращается въ тягостную формальность . . .

Ночь была холодная и поэтому мы всѣ размѣстились на ночлегъ въ избѣ, и хотя эта изба очень просторна, тѣснота была страшная. По счастію, не было клоповъ. Хозяинъ увѣрялъ насъ, что онъ предотвращаетъ ихъ появленіе въ своей избѣ тѣмъ, что во время цвѣтенія конопли, онъ бьетъ по стѣнамъ пучками поскони; клопы будто не выносятъ запаха цвѣточной пыли, при этомъ проникающей во всѣ щели.

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ.

Ребята проснулись свѣжіе и бодрые. Утро было сѣренькое, но теплое. Предстоялъ легкій переходъ.

Неспѣшно совершили мы утреннюю молитву (краткость вечерней молитвы накапунѣ огорчила нашихъ хозяевъ), исподволь напились чаю и посѣтили Оковецкую церковь, прекрасную и высокую. Постройка ея относится къ прошлому вѣку, и времени ея построенія соотвѣтствуетъ общій ея обликъ; архитектурныя же подробности исполнены совершенно въ характерѣ вѣка семнадцатаго. Къ сожалѣнію, къ ней пристроена (въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія) колокольня съ робкими претензіями на готическій стиль. Церковь стоитъ на крутомъ холмѣ, и этимъ воспользовались, чтобы устроить подъ нею двѣ большія духовыя печи, согрѣвающія громадный зимній придѣлъ. Тутъ мы пріобрѣли иконы Оковецкой Божіей Матери. Иконы эти маленькія, весьма невысокой миніатюрной работы, но онѣ бойко, отъ руки, писаны на доскѣ, пахнутъ кипарисомъ, стиль ихъ безукоризненъ, и продаются онѣ по 10-ти копѣекъ! Высылаются онѣ изъ Твери. Что же получаетъ за нихъ изготовляющій ихъ, въ своемъ родѣ искусный, изографъ? И могутъ ли соперничать съ его произведеніями вялыя хромолитографіи, распространяемыя изъ Петербурга, Москвы и Варшавы?!

Мы весело двинулись въ путь. Сѣрая пелена неба порѣдѣла и растаяла. Проглянуло яркое солнышко. Съ юга потянулъ душистый, ласковый вѣтерокъ. Погода окончательно стала лѣтнею.

Всѣ ребята защебетали, какъ птички послѣ долгаго ненастья. До деревни Боровыхъ Нивъ, гдѣ предполагалось обѣдать, было всего двѣнадцать верстъ. Дорогою мы накупили себѣ провіанта, котораго забыли захватить въ Оковцахъ: въ деревняхъ — хлѣба, на постояломъ дворикѣ въ Березуяхъ — сельдей. Опять прошли мы черезъ прелестный боръ, въ коемъ недѣлю тому назадъ рвали ландыши. Они окончательно отцвѣли, но нескошенная трава лѣсныхъ полянокъ еще пестрѣла цвѣтами, но еще гуще, при яркомъ солнцѣ, казался сумракъ разбѣгавшихся, невѣдомо куда, лѣсныхъ тропинокъ. Снова перебрались мы, по остаткамъ разрушеннаго моста, черезъ Пырошню, и завернули къ той же, суровой на видъ, хозяйкѣ, которая на этотъ разъ приняла насъ, какъ старыхъ знакомыхъ. Даже ея большая черная собака обрадовалась намъ: она суетливо принялась бѣгать между ребятами, норовя каждаго изъ нихъ лизнуть въ лицо.

Мы живо пообѣдали, скоро отдохнули и пустились далѣе, несмотря на крупный, теплый дождь, очевидно не могшій длиться. — Дождь намъ не надоѣлъ! объявили ребята. Нужно замѣтить, что во все время нашего путешествія шли непрерывные дожди; но, по рѣдкому счастію, они постоянно изливались или во время нашихъ остановокъ, или впереди и позади насъ, такъ что мы ни разу не промокли. Самые холода, стоявшіе во время нашего путешествія, значительно его облегчили, хотя подчасъ

становились черезчуръ рѣзкими: хожденіе въ жаркую погоду несравненно утомительнѣе.

Предстоялъ переходъ въ 18 верстъ, и по мѣстамъ новымъ, ибо мы не свернули на Сибирь и Меженинку, а пошли прямо по большаку, на Боровку. Вскорѣ дождь прошелъ, опять засіяло солнце, и возстановилось прежнее радостное настроеніе. Мѣстность вокругъ насъ постепенно понижалась. Боровые горбыли замѣнились влажными лугами, молодыми березовыми рощами, безконечными пустырями, заросшими олешникомъ и ивами. Чувствовалось приближеніе къ дому: казалось, мы идемъ пустошами Бѣльскаго уѣзда. Направо, вдали синѣли волнистые холмы Сибири, виднѣлись церкви Бакланова и Пыжей. Наконецъ показалась и Шалаевская гора.

Мы весело шли по мягкой, грязноватой дорогѣ, въ которую тутъ обращается большакъ. Много смѣху возбуждалъ одинъ изъ нашихъ мальчиковъ, по прозванію Рыжикъ. Мальчикъ этотъ, очень глупый, овладѣлъ зонтикомъ одного изъ учителей и при входѣ въ каждую деревню распускалъ его и важно шествовалъ подъ его защитою. На вопросъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ? — онъ отвѣчалъ, что когда онъ идетъ просто, никто на него не обращаетъ вниманія, когда же онъ распуститъ зонтикъ, всѣ передъ нимъ снимаютъ шапки. За это онъ немедленно былъ прозванъ фарисеемъ.

Нашъ милый горбунокъ бодро сидѣлъ на своемъ облучкѣ, покрикивая на лошадокъ. На лицѣ его еще блуждало то выраженіе, съ какимъ онъ слушалъ службы въ Ниловой Пустыни. Дѣти радостно припоминали все видѣнное и на вопросъ, что больше всего имъ понравилось? посыпались самые разнообразные отвѣты: — пароходъ! . . . пѣніе! . . . павлинъ! . . . Но Тимоша убѣжденно повторялъ: самъ Угодничекъ!

Особенно радостны были два молодыхъ учителя, коимъ предстояло жениться въ іюлѣ. Рады были и близкому свиданію съ невѣстами, рады и тому, что передъ самымъ бракомъ имъ удалось сходить къ Угоднику. Одному изъ нихъ, кромѣ того, предстояло посвященіе въ діакона. Мы вспоминали, какъ, восемъ лѣтъ тому назадъ, онъ, еще маленькимъ мальчикомъ, шелъ со мною по той же дорогѣ, какъ, послѣ того, постепенно и для насъ незамѣтно, Богъ привелъ его къ поступленію въ духовное званіе, и многое въ прошломъ становилось для насъ осмысленнымъ и яснымъ.

Солнце заходило. Передъ нами темносиною полосою тянулись лѣса высокихъ береговъ Туда, изъ нихъ выглядывали колокольни церквей, расположенныхъ по его теченію. Прямо передъ нами возвышалась надъ лѣсомъ, на противоположномъ берегу, озаренная послѣдними лучами солнца, церковь села Лѣсникова. Я сѣлъ въ тарантасъ, чтобы отыскать ночлегъ въ незнакомой мнѣ деревнѣ Каменкѣ, въ коей предстояло ночевать переѣхалъ вбродъ черезъ Тудъ, въ этомъ мѣстѣ менѣе живописный, чѣмъ въ Сибири, но многоводный и широкій, узналъ на мельницѣ, что въ близкой Каменкѣ можно найти удобный ночлегъ у церковнаго старосты и дождался тутъ нашихъ ребятъ, которые вскорѣ нагнали меня и перебрались по утлымъ кладямъ, проложеннымъ по мельничной плотинѣ.

Въ Каменкѣ церковный староста принялъ насъ чрезвычайно радушно. Мы поужинали привезенными съ собою припасами, къ коимъ хозяинъ присоединилъ лукъ и квасъ. Нашелся и самоварчикъ, но только одинъ, и старшіе выпили по чашкѣ чаю. Вечерняя молитва привлекла много постороннихъ молельщиковъ, и послѣ нея хозяинъ еще болѣе сталъ за нами ухаживать. Изба его всѣхъ насъ на ночь вмѣстить не могла. Но ночь была не холодная, и большая часть нашего общества, въ томъ числѣ и я, отправились ночевать на сѣновалъ. Хозяинъ даже предлагалъ всѣхъ ребятъ накрыть теплою одеждою, коей у него множество въ закладѣ, но это оказалось ненужнымъ. Мнѣ же онъ непремѣнно захотѣлъ прикрыть ноги своимъ тулупомъ. Мнѣ устроили уютное гнѣздышко между отвѣсными стѣнами душистаго сѣна. Вокругъ меня разлеглись ребята, и мы заснули богатырскимъ сномъ. (Продолженіе слѣдуетъ).

Въ чемъ жизнь?

Ненавидѣть себя, только Бога любить —
Вотъ что значитъ воистину жить...
И всегда и вездѣ въ мірѣ суетныхъ сновъ
Слышать тихій таинственный зовъ...
Непрестанно горѣть, обновляясь борьбой,
И томиться по Богу душой,
И съ восторгомъ живымъ всюду видѣть черты
Откровенья святой красоты.
И звено за звеномъ звуки въ пѣсни ковать
И слезами свой духъ омывать,
Лишь въ молитвѣ одной обрѣтая покой
У Источника жизни живой.
Преступленье свершивъ, тотчасъ каяться въ немъ,
Исповѣдаться Богу во всемъ,
И опять и опять передъ Нимъ предстоять,
Божіей воли прилежно искать.
Міръ грѣха разлюбить, бросить тлѣнъ суеты,
Убѣгать отъ лукавой мечты,
Утѣшенья въ земномъ не искать никогда,
Ждать отъ Бога поддержки всегда,
Позабыть о себѣ и о жизни своей,
Сторонясь отъ позора страстей,
Только Богу и людямъ усердно служить... —
Такъ бы надо по-Божьему жить.
Но подъ гнетомъ тяжелыхъ незримыхъ цѣпей,
Въ жизни страждутъ милльоны людей,
Часто даже не зная объ этихъ цѣпяхъ,
Что удѣлъ ихъ — тревога и страхъ.

И ничѣмъ на землѣ не довольны они,
Безотрадно проходятъ ихъ дни.
Кто-жъ узнаетъ, блуждая безъ свѣта впотьмахъ,
Отчего этотъ ужасъ въ сердцахъ?
Люди Бога забыли и знать не хотятъ,
А отъ Бога отказъ — э т о а д ъ !
Удаляясь отъ Свѣточа жизни живой,
Люди заживо гибнутъ душой.

АЛЕКСѢЕВЪ Александръ Александровичъ.

Ученикъ Оптинскихъ старцевъ, поэтъ-исповѣдникъ въ Совѣтской Россіи, по образованію инженеръ, жившій монахомъ въ міру и умершій отъ голода въ Петроградѣ.

Пѣсня.

Въ безпріютную даль Казахстанскихъ степей,
По лѣсистымъ отрогамъ Алтая,
Въ необъятную ширь среднерусскихъ полей,
По надъ брегомъ Приволжскаго края,
Надъ Москвою-рѣкой, надъ Кремлевской стѣной,
Надъ толпой городовъ многолюдныхъ,
Надъ закованной въ броню гранита Невой,
По тропинкамъ и весямъ безлюднымъ...
То не въ благостный часъ въ предвечерней тиши
Плавно звонъ колокольный несется,
Нѣтъ! То стонъ изстрадавшейся русской души
Надъ родною землей раздается.
Много лѣтъ ужъ въ неволѣ томится она
Полоненная силою злою;
Молчаливо тоскуя сидитъ у окна,
Взаперти за желѣзной стѣною.
И родные лѣса и просторы луговъ
Стали ей ненавистной темницей;
Въ голубую лазурь, гдѣ гряда облаковъ,
Полетѣть бы ей вольною птицей.
Похититель ея — чернокрылый драконъ.
Съ нимъ страшатъ ее частыя встрѣчи,
И всѣмъ видомъ своимъ отвратителенъ онъ,
И его всѣ постылыя рѣчи.
— "Ну когда-жъ, наконецъ, получу я отвѣтъ?
"Жду награды моей долгожданной.
"Посчитай-ка сама, вѣдь уже сорокъ лѣтъ

"Я тебя добиваюсь, желанной.
"Коль поклониться мнѣ, такъ тебѣ принесу
"Всѣ богатства казны моей цѣнной,
"А полюбишь меня, такъ тебя вознесу
"Я царицей надъ всею вселенной.
"Всѣ народы земли вѣрятъ власти моей
"И ее принимаютъ въ смиреньи,
"Даже пастыри многихъ за моремъ церквей
"Предо мною склонились въ почтеньи".
— "Прочь антихристъ! лукавымъ своимъ языкомъ
Напоилъ ты всю землю отравой,
Вижу рогъ надъ твоимъ безобразнымъ челомъ,
Вижу когти на лапѣ кровавой...
Прочь!.." Исчезъ словно дымъ. Осѣнившись крестомъ,
Вновъ тоскуетъ душа въ заточеньи,
Или молится тихо въ порывѣ святомъ
И надежду таитъ на спасенье.
Что ей деньги! Что слава! Что пышность хоромъ!
Не милѣй ли ей въ хижинѣ тѣсной?
Вѣдь душа, иногда и не зная о томъ,
Лишь обители ищетъ небесной.

Въ безпріютную даль Казахстанскихъ степей,
Надъ глухою тайгою Урала,
Надъ желѣзными стѣнками всѣхъ лагерей,
Надъ глубокою чашей Байкала.
Слышу стонъ я души истомленной въ цѣпяхъ,
Этотъ стонъ въ зарубежье несется.
Пусть же въ нашихъ церквахъ
Пусть же въ нашихъ сердцахъ
Онъ съ молитвеннымъ вздохомъ сольется.

Н. К.

ОТДѢЛЪ ЮНОШЕСКІЙ И ДѢТСКІЙ.

Житіе преподобнаго отца нашего Маркіана.

10 января.

Святый Маркіанъ родился въ городѣ Римѣ. Его родители были люди благочестивые, знатные и богатые. Онъ всей душой привязался съ раннихъ лѣтъ къ церкви Божіей. Когда онъ сдѣлался взрослымъ, то сталъ священникомъ. Послѣ смерти своихъ родителей, онъ часть своихъ денегъ раздавалъ нищимъ, а остальныя тратилъ на украшеніе и на постройку Божьихъ храмовъ.

Онъ создалъ прекрасную церковь во имя св. мученицы Анастасіи. Насталъ день освященія церкви. Патріархъ и царь торжественно переносили мощи св. Анастасіи изъ старой церкви въ новую, созданную св. Маркіаномъ. Святой шелъ передъ колесницей, на которой перевозили мощи святой мученицы. Вдругъ одинъ нищій подошелъ къ святому и сталъ просить у него миостыню. А у святого была только одна одежда на себѣ. Онъ отошелъ въ сторону и, тайно отъ всѣхъ, чтобы никто не видѣлъ снялъ съ себя послѣднюю одежду и отдалъ просящему. Самъ же остался въ одной фелони (одежда священника). Всѣ вошли въ церковь, положили въ ней мощи святой мученицы Анастасіи. Патріархъ повелѣлъ блаженному Маркіану совершить Божественную литургію. Когда святому пришлось мыть руки въ алтарѣ, онъ оглядывался въ смущеніи, чтобы никто не замѣтилъ, что у него подъ фелонью нѣтъ никакой одежды. Священники и діаконы, взглянувъ въ это время на святого Маркіана, увидѣли, что у него подъ фелонью

надѣта прекрасная, сверкающая золотомъ, одежда, точно порфира царская. И самъ патріархъ замѣтилъ эту драгоцѣнную одежду, когда святой причащался пречистыхъ животворящихъ Тайнъ.

Послѣ службы патріархъ позвалъ блаженнаго въ сосудохранительницу и сталъ ему строго выговаривать за то ,что он ходитъ въ такихъ дорогихъ одеждахъ, в которыя можетъ только царь наряжаться. Блаженный очень недоумѣвалъ, о какой одеждѣ говоритъ патріархъ, когда у него подъ фелонью — нагое тѣло. Онъ смиренно просилъ прощенія, припавъ къ ногамъ патріарха. Послѣдній поднялъ его, открылъ фелонь и увидѣлъ не царскую одежду златотканную, а нагое тѣло. Пришлось святому открыть тайну патріарху — какъ онъ послѣднюю одежду отдалъ нищему. Поняли тогда патріархъ, священники и діаконы, что, чудомъ Божіимъ, видѣли они не голое тѣло блаженнаго, а прекрасную одежду на немъ — за его милосердіе и любовь къ убогимъ. Всѣ прославили Господа, дивнаго во святыхъ своихъ.

Однажды святой промокъ подъ дождемъ и, придя домой, сталъ сушить надъ горящими углями свою единственную одежду. Въ это время патріархъ послалъ за нимъ. Посланные стали стучать въ дверь, а онъ, будучи раздѣтымъ, не могъ имъ открыть ее. Одинъ изъ посланныхъ заглянулъ въ дверную скважину и увидѣлъ, какъ блаженный сушитъ надъ углями свою одежду. Разсказали патріарху о бѣдности святого, и онъ похвалилъ его трудную жизнь.

Однажды въ Царьградѣ былъ пожаръ. Огонь окружилъ церковь св. Анастасіи. Преподобный Маркіанъ началъ молиться. Пламя тотчасъ же пошло назадъ и точно отъ воды погасло молитвами святого. Въ день праздника св. Анастасіи, женщина взошла на крыло храма, упала внизъ и разбилась до смерти. Святой воскресилъ ее именемъ Господа нашего Іисуса Христа. Св. Маркіанъ долго прожилъ, сотворивъ много добрыхъ дѣлъ.

Передъ смертью онъ началъ строить храмъ въ честь св. мученицы Ирины и не окончилъ. Умирая, онъ просилъ Господа, чтобы Онъ позаботился о недостроенномъ храмѣ. Благочестивая царица, жена царя Льва Великаго, по волѣ Божеій докончила храмъ и внутри богато украсила его въ память преподобнаго Маркіана, въ честь же Самого Христа Бога Емуже слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

Житіе преподобнаго отца нашего Іакова Низибійскаго.

13 января.

Святой Іаковъ родился въ городѣ Низибіи. Желая работать Господу, онъ поселился высоко въ горахъ. Весной во время жатвы и осенью онъ жилъ въ лѣсу. Божье небо было ему покровомъ,

а зимой для защиты отъ мороза онъ уходилъ въ пещеру. Питался онъ плодами лѣсныхъ деревьевъ, травами, пригодными для ѣды. Одѣвался онъ въ козьи кожи.

Однажды святой шелъ черезъ одинъ ручей. На ручьѣ дѣвочки стирали бѣлье. Стали онѣ съ насмѣшкой глядѣть на святаго Божьяго человѣка, на его странную одежду. За то Господь ихъ наказалъ. Ручей мгновенно высохъ, а ихъ волосы стали, вдругъ, какъ у старыхъ людей — сѣдыми, точно ихъ мгновенно покрылъ иней. Дѣвочки очень испугались, побѣжали въ городъ и разсказали, что съ ними случилось. Жители города стали просить святого, чтобы онъ помолился о наполнении ручья водою. Святой исполнилъ ихъ просьбу, и снова ручей потекъ.Еще однажды люди просили его умолить Бога, чтобы сѣдые волосы дѣвочекъ снова сдѣлались темными. Святой готовъ былъ исполнить ихъ просьбу, но ни одна изъ дѣвочекъ не пришла просить прощенія у святаго, и потому онѣ навсегда и остались сѣдыми, какъ старушки.

Жители города Низибіи, увидѣвъ многія чудеса, которыя творилъ святой, избрали его епископомъ.

Однажды онъ шелъ въ одну деревню. По дорогѣ нищие стали просить у него денегъ, чтобы похоронить умершаго нищаго. Они показали ему мертвеца, лежащаго возлѣ дороги. Но они обманули святаго: это былъ не мертвецъ, а живой человѣкъ, который только притворялся мертвымъ, чтобы его друзья могли выпросить денегъ у святого на похороны. Святой помолился и далъ денегъ на погребеніе. Когда онъ отошелъ, друзья притворщика сказали, что онъ можетъ встать. Какъ же они испугались, когда замѣтили, что другъ ихъ по настоящему умеръ. Нищіе въ страхѣ побѣжали вслѣдъ отходящему святому и стали каяться, какъ низко они обманули его. Они умоляли блаженнаго вернуть въ тѣло душу умершаго. Милостивый святой простилъ ихъ прегрѣшеніе и оживилъ мертвеца.

На городъ Низибію напали персы и окружили его. Жители города стали просить святаго, чтобы онъ взошелъ на стѣны городскія и проклялъ враговъ. Святой поднялся на стѣну. Увидѣвъ безчисленное множество воиновъ персидскихъ, онъ молилъ Бога послать на нихъ комаровъ и песьихъ мухъ, чтобы они познали Божію силу и отошли отъ города. Богъ услышалъ молитву раба своего и послалъ на полки персидскіе комаровъ и мухъ. Не только люди, но даже кони и слоны не могли терпѣть ихъ укусовъ и метались въ разныя стороны. Персы страдали отъ мухъ и комаровъ больше чѣмъ отъ вооруженныхъ воиновъ. Персидскій царь смущался и печалился, видя какъ его храбрыхъ воиновъ побѣждаютъ комары и мухи. На городскихъ стѣнахъ онъ видѣлъ св. Іакова. Ему казалось, что онъ одѣтъ въ сіяющую порфиру, а на головѣ

его блистаетъ царскій вѣнецъ. На самомъ дѣлѣ блаженный былъ въ обычной своей одеждѣ архіепископа. Войско персидское должно было отступить отъ города и со стыдомъ бѣжать въ свою землю, гонимое комарами и мухами.

Воистину, то было великое Божіе чудо, какъ сильное войско было побѣждено ничтожными маленькими насѣкомыми. Господь далъ святому долгую жизнь. Глубокимъ старцемъ отошелъ онъ ко Господу Іисусу Христу, Ему же со Отцемъ и Святымъ Духомъ слава во вѣки. Аминь.

Житіе и страданія святаго священномученика Климента епископа Анкирскаго.

23 января.

Св. Климентъ родился въ городе Анкирѣ въ странѣ Галатійской. У св. Климента мать была христіанка, а отецъ, язычникъ, умеръ, когда святой еще былъ ребенкомъ.

Когда святому отроку было 12 лѣтъ, мать, умирая, заповѣдала ему послужить въ жизни своей Господу Нашему Іисусу Христу. Целый день передъ кончиною учила мать святого отрока. Она предсказала ему, что онъ пострадаетъ за Господа. Уходя изъ этой жизни, она трогательно цѣловала голову, глаза, лицо, уста, грудь и руки своего любимаго единственнаго сына. Наконецъ, она склонилась на грудь къ нему и предала душу въ руки Божіи.

Когда погребли мать его, остался Климентъ на землѣ круглымъ сиротой. Единый у него былъ защитникъ — Царь Небесный и Творецъ, и онъ позаботился о сиротѣ, послалъ ему вторую мать. Въ томъ же городѣ Анкирѣ жила подруга матери Климента по имени Софія. Эта благочестивая женщина взяла къ себѣ въ домъ блаженнаго Климента, полюбила его и заботилась о немъ, какъ о родномъ сынѣ.

Наступилъ въ странѣ Галатійской страшный голодъ. Эллины-язычники бросали по дорогамъ дѣтей своихъ, т. к. нечѣмъ было ихъ кормить. Святой отрокъ Климентъ очень жалѣлъ брошенныхъ дѣтей. Онъ приводилъ ихъ въ домъ Софіи, кормилъ ихъ, поилъ, одѣвалъ, училъ и наставлялъ въ христіанской вѣрѣ. Онъ заботился всѣми силами, чтобы дѣти язычниковъ получали бы святое крещеніе. Маленькій Климентъ уже съ отроческихъ лѣтъ началъ поститься, молиться, питался хлѣбомъ, овощами и пилъ лишь воду. Какъ свѣтлый мѣсяцъ сіялъ блаженный отрокъ своею святою жизнью, и многіе христіане узнали о немъ и по-

любили его. Когда ему исполнилось 20 лѣтъ его поставили епископомъ.

Но сбылось предсказаніе матери, и пришлось юному святому епископу потерпѣть за Христа многія муки отъ царей-мучителей. Послѣ безконечныхъ страданій блаженный былъ убитъ передъ святымъ алтаремъ, когда служилъ божественную литургію въ пещерной церкви. Святого усѣкли мечемъ. Отсѣченная глава упала на божественный престолъ, и святая кровь его залила святые дары. Народъ въ церкви рыдалъ, видя мертвымъ лежащаго посреди алтаря любимого архіерея. Софія же взяла его святое тело и, обливая его слезами, погребла въ пещерной церкви. Плакала она, а вмѣстѣ и радовалась, что блаженный, пострадавъ за Господа, отошелъ въ вѣчную жизнь, гдѣ и прославляетъ онъ Спасителя Нашего, Ему же со Отцемъ и Святымъ Духомъ отъ всего созданія всякая подобаетъ слава ,честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

Житіе Павлина милостиваго, епископа Ноланскаго.

23 января.

Угодникъ Божій Павлинъ былъ знатнымъ человѣкомъ — римскимъ сенаторомъ. Онъ былъ человѣкъ богобоязненный, благочестивый. У него была жена, по имени Тарасія, добрая, тихая и кроткая. Дѣтей у нихъ не было. Они брали убогихъ сиротъ и заботились о нихъ, какъ о родныхъ дѣтяхъ. Всѣ свои деньги они раздавали нищимъ. Наконецъ, и сами они, ради Господа, сдѣлались нищими и надѣялись только на помощь Божію. Однажды къ нимъ, совсѣмъ обѣднѣвшимъ, пришелъ нищій за подаяніемъ. У нихъ ничего не было, кромѣ одного хлѣба. Велѣлъ блаженный Павлинъ женѣ своей отдать нищему этотъ послѣдній хлѣбъ. Тарасія же не дала, такъ какъ другой ѣды въ домѣ у нихъ не было. Въ этотъ же день къ нимъ пріѣхалъ посланецъ отъ одного богатаго друга св. Павлина и возвѣстилъ имъ, что ему послалъ его другъ моремъ множество муки, но что съ однимъ кораблемъ случилось несчастіе: онъ, вмѣстѣ съ мукой, погибъ въ морской пучинѣ. Св. Павлинъ, услышавъ объ этомъ, сказалъ женѣ: «видишь, если бы ты не пожалѣла дать нищему послѣдній хлѣбъ, то корабль съ мукою не потонулъ бы: за скупость Господь всегда наказываетъ».

Благочестивые супруги уѣхали изъ Рима въ страну Кампанію въ свое маленькое имѣніе и поселились въ городѣ Нола, при гробѣ св. мученика Феликса. Люди узнали о благочестивой жизни

св. Павлина и сдѣлали его епископомъ города Нола. И сталъ святой заботиться о сиротахъ, о вдовахъ, выкупалъ плѣнныхъ на свободу.

Въ тѣ времена на Италію, попущеніемъ Божіимъ, напали вандалы. Пришли они въ городъ Нолу, многихъ людей въ плѣнъ забрали. Пришла къ епископу одна бѣдная вдова и, плача, стала ему разсказывать, что и ея сына взяли вандалы въ плѣнъ, и она узнала, что онъ находится въ Африкѣ у зятя вандальскаго царя. «Смилуйся надо мной, дай мнѣ денегъ, чтобы я могла выкупить сына моего», умоляла бѣдная вдова. У человѣка Божія не было денегъ, но онъ, по добротѣ своей, предложилъ вдовѣ продать его самого въ рабство и на эти деньги выкупить сына. Поѣхали они въ Африку, узнали, гдѣ жилъ зять вандальскаго царя и подошли къ воротамъ его дома. Когда князь вышелъ изъ дома, вдова стала умолять его отпустить ея сына. Тотъ и слышать не хотѣлъ. Тогда вдова, указывая на св. Павлина, сказала: «вотъ я дамъ тебѣ вмѣсто сына этого человѣка, только будь милостивъ и отпусти мнѣ единственнаго сына моего.» Князь ласково взглянулъ на Божьяго человѣка и спросилъ: «Какое ты знаешь ремесло?» — «Ремесла я никакого не знаю, только могу воздѣлывать огородъ». Князь обрадовался, такъ какъ ему нуженъ былъ огородникъ, и онъ отдалъ вдовѣ сына. Счастливая мать увезла на родину сына своего, а св. Павлинъ епископъ сталъ смиренно служить, какъ рабъ у вандальскаго князя.

Господинъ полюбилъ блаженнаго и часто приходилъ въ огородъ къ нему. Онъ совѣтовался съ нимъ, такъ какъ видѣлъ, что рабъ его человѣкъ премудрый и благоразумный. Блаженный Павлинъ каждый день приносилъ ему овощи къ столу, а за работу получалъ отъ него хлѣбъ.

Однажды св. Павлинъ сказалъ князю: «Смотри, никуда не уѣзжай теперь изъ дома, такъ какъ ты скоро будешь вандальскимъ царемъ. Царь, тесть твой, скоро умретъ и если ты уѣдешь, то другой вмѣсто тебя будетъ царствовать». Князь, узнавъ эту тайну, пошелъ къ царю и разсказалъ, что ему открылъ блаженный. Царь сказалъ: «Я хочу видѣть этого человѣка». «Я сегодня пошлю тебѣ съ нимъ овощей, и ты увидишь его», сказалъ князь.

Когда царь сѣлъ обѣдать, св. Павлинъ вошелъ къ нему, неся овощи по повелѣнію своего господина. Когда царь увидѣлъ блаженнаго, то затрепеталъ и разсказалъ зятю свой сонъ: «Этой ночью я видѣлъ во снѣ, какъ нѣкіе князья сидѣли на престолахъ и судили меня. Среди нихъ былъ и этотъ человѣкъ, который принесъ мнѣ овощи. И судомъ этихъ князей отняли отъ меня мой жезлъ, взяли отъ меня мое царство. Спроси у твоего раба, кто онъ? Я думаю, что онъ не простой человѣкъ». Князь отвелъ въ сторону блаженнаго и тихо спросилъ: «Кто ты?» — «Я — твой рабъ,

котораго ты принялъ вмѣсто сына вдовы», — смиренно отвѣтилъ святой епископъ. И сталъ князь умолять святого, чтобы онъ открылъ ему, кто онъ былъ раньше. Пришлось блаженному признаться ему, что онъ былъ раньше епископомъ. Князь испугался и смиренно сказалъ ему: «Проси у меня чего хочешь, я съ великими дарами верну тебя на родину». Угодникъ Божій попросилъ не даровъ, а оказать милосердіе плѣннымъ и отпустить всѣхъ на свободу. Князь исполнилъ просьбу блаженнаго. Онъ далъ святому богатые дары. Множество плѣнныхъ христіанъ, вмѣстѣ со святымъ епископомъ, радостные и счастливые, приплыли на кораблѣ къ себѣ на родину.

Черезъ нѣсколько дней послѣ ихъ отъѣзда умеръ вандальскій царь ,какъ и предсказалъ св. Павлинъ, и вмѣсто него зять его принялъ царство.

Святой Павлинъ еще долго жилъ и, много сдѣлавъ добра, ушелъ изъ этого міра ко Христу, Господу своему, и прославляетъ Его во вѣки. Аминь.

М. В.

Крещенскій парадъ.

Водосвятіе на рѣкѣ въ день Крещенія осталось въ моихъ воспоминаніяхъ яркой, сіяющей, никогда не забываемой картиной. Мнѣ было уже шесть лѣтъ, когда мама взяла меня первый разъ на Крещенскій парадъ — по усиленному ходатайству бабы Насти, гостившей у насъ. Строгій постъ предшествовалъ празднику, только я, какъ маленькая, выпила чашку полу сладкаго горячаго чаю. Морозъ на улицѣ стоялъ воистину "Крещенскій". Начались сборы. И закутала же меня няня Ольга! Поверхъ моей суконной матроски была одѣта шаль, двѣ пары чулокъ, толстые гамаши, высокіе галоши, а поверхъ мѣховой шапочки башлыкъ. Въ шубкѣ мнѣ сдѣлалось даже тѣсно. Мама и бабуся тоже укутались, и мы вышли на крыльцо, у котораго уже стояли сани.

Солнце въ первый моментъ ослѣпило меня съ ярко-синяго неба, и снѣгъ искрился: "какъ сахаръ", подумала я. Мама усадила меня себѣ на колѣни, кучеръ покрылъ наши ноги мѣховой полостью. "Ну, съ Богомъ, трогай!" — сказала мама, и санки быстро понеслись по скрипящему снѣгу подъ веселый звонъ бубенчиковъ.Для меня это было настоящее путешествіе, такъ какъ рѣка Ворскла протекаетъ подъ Полтавой и надо было ѣхать внизъ съ горы и далѣе снѣжнымъ полемъ. Я еще издали увидѣла ледяные кресты. Что за красота ледяной крестъ, сверкающій снѣжинками, какъ бы полупрозрачный, отражающій въ себѣ синее небо! Мы съ мамой вышли изъ саней, а бабуся осталась сидѣть. У проруби стояло уже духовенство и много народу. Съ боку былъ папинъ полкъ, и я увидѣла

папу и братьевъ. Съ трудомъ узнала я нашего приходского батюшку. Онъ, какъ и другіе священники, показался мнѣ необыкновенно большимъ, въ облаченіи поверхъ шубъ. Кого мнѣ стало жалко, такъ это нашего старенькаго псаломщика: шубы на немъ не было, только пальто, а уши были повязаны платкомъ.

Все для меня было необыкновенно и красиво. Началась торжественная служба. Когда хоръ запѣлъ "во Іорданѣ крещающуся Тебѣ Господи" —изъ толпы въ небо взвилась стая бѣлыхъ голубей, ярко выдѣляясь на фонѣ синяго неба. Я застыла отъ удивленія, такъ поразила меня красота момента. По окончаніи богослуженія оркестръ грянулъ что-то очень красивое, что — уже не помню. Но какъ же я напугалась, когда въ прорубь одинъ за другимъ окунулись три молодца. Я даже взвизгнула. Я спросила маму: "а они не заболѣютъ?" — "Нѣтъ, Любочка, не пугайся, никто не заболѣетъ. Это стародавній на Руси обычай, и не было случая что бы кто простудился въ Крещенской водѣ". Давъ бутылку для Св. воды нашему старенькому псаломщику мы пошли къ санямъ. Вскорѣ псаломщикъ вернулся и принесъ съ собой серебрянный ковшикъ со святой водицей. Мама и бабуся, перекрестившись, выпили изъ ковшика и передали его мнѣ. "Святая водица?" спросила я глядя на бабусю, вспоминая, какъ она показывала мнѣ бутылочку со святой водой съ предыдущаго Крещенія. "Годами стоитъ, а какъ слеза чистая", говорила она. Перекрестившись, я сдѣлала глотокъ изъ ковшика. "Вкусная Святая водица", сказала я. Всѣ улыбнулись, а псаломщикъ сказалъ: "Божьи Вы дѣтки". Мы, вся дѣтвора нашего прихода, очень его любили, необыкновенно ласково относился онъ къ намъ. Папа и братья подошли къ намъ только на минуту. Быстро вернувшись обратно, они подъ звуки торжественнаго марша съ полкомъ стройно замаршировали по дорогѣ. Мы быстро обогнали ихъ на саняхъ. Что бы я дала въ тотъ моментъ, лишь бы маршировать съ братьями за оркестромъ! Въ домѣ было тепло и уютно. Въ столовой было нарядно убрано, и стоялъ столъ, уставленный постными яствами. Скоро подъѣхали и гости, батюшка и весь церковный причтъ нашей церкви. Старенькій дьячокъ снялъ платокъ съ ушей и лицо у него было такое радостное. Какъ только вернулся папа, наши дорогіе гости обошли съ пѣніемъ весь домъ, окропивъ все святой водой. Послѣ молитвы всѣ усѣлись вокругъ стола, на которомъ уже дымился постный борщъ съ карасями и посрединѣ стояла моя любимая рисовая кутья съ миндальнымъ молокомъ. А я все продолжала думать о бѣлыхъ голубяхъ, сіяющихъ небомъ, крестахъ и о солдатикахъ, съ папой и братьями, марширующихъ подъ звуки торжественнаго марша.

Л. Черница.

УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТІЯ

Каждодневное исповѣданіе и поминовеніе.

Кирилла, епископа Туровскаго.

Современникъ благ. князя Андрея Боголюбскаго Кириллъ, епископъ Туровскій, извѣстенъ по имени всѣмъ сколько нибудь образованнымъ русскимъ людямъ, какъ проповѣдникъ-витія: каждый учебникъ исторіи русской словесности содержитъ упоминаніе о немъ. Но мало кто знаетъ, что въ церковно-народную жизнь вошелъ этотъ князь Церкви, долгіе годы проведшій потомъ. подобно Св. Тихону Задонскому, въ монастырскомъ затворѣ, главнымъ образомъ, какъ составитель многочисленныхъ молитвъ. Онѣ образуютъ цѣлый молитвословъ, являющій молитвенное сопровожденіе всѣхъ чинопослѣдованій всѣхъ дней недѣли. Воспроизводимъ келейное заключеніе этого цикла, которое можетъ быть использовано, въ той или иной мѣрѣ, каждымъ благочестивымъ христіаниномъ, желающимъ посильно подвизаться въ «школѣ благочестія».

Исповѣдаю Ти ся, Господи Боже мой, Отче небеси « земли. елико въ тайнѣ сердца моего согрѣшенія: въ юности невтягновенно неистовнымъ безстуднымъ возбѣшеніемъ страсти плотскія и душегубныя содѣяхъ. и въ возрастѣхъ средовѣчія студная дѣла чрезестественны грѣхи. яже и безсловесніи скоти не творятъ. Въ старости же всякими дѣлы нечистыми и помыслы скверными и хульными одержимъ есмь. отъ нихъ же свободи мя. Владыко. да не предваритъ мя смерть не готова суща. Поклонъ.

Христе Боже мой и Творче. помилуй мя. много согрѣшившаго. оскверненнаго всякими плотскими нечистыми мерзостныхъ и въ безсловесныхъ. Молю Тя, премилостиве, отпусти ми сія, и чистоту подаждь ми. Поклонъ.

О владыко мой, Боже и Господи Іисусе Христе. благоволилъ еси пріити на землю на спасеніе грѣшныхъ! Первый въ нихъ азъ есмь, превзыдохъ многими безчисленными грѣхи моими. Пріими мя нынѣ обращающася къ Тебѣ, и спаси мя, якоже спаслъ еси Манассію и блудницу и блуднаго сына.

Поклонъ.

Всещедрый, многомилостиве Господи, пріими покаяніе мое якоже пріялъ разбойника на крестѣ, исповѣдавша Ти ся, и спаси мя креста ради Твоего, и еже на томъ изліянныя пречистыя божественныя крови Твоея, за мірскій животъ. Поклонъ.

О Владыко мой Іисусе Христе, иже насъ ради волею крестъ и смерть пріимъ, и тридневно воскресъ, и всего міра Спасе, и мене кающася помилуй, и спаси мя, благій, судьбами своими, днесь, воскресенія Твоего ради.

Поклонъ.

О Христе Царю Боже мой, Создателю мой, отпусти ми вся грѣхи моя, и всели въ мя любовь Твою и благодать Твою, посли ми въ мысли моей о спасеніи моемъ имѣти всегда, покаяніе же и плачь о грѣсѣхъ моихъ и имени Твоего, память заповѣдей Твоихъ даждь ми: и страхъ Твой, яко остенъ, вонзи въ сердцѣ моемъ, и сподоби мя любити Тя отъ всея души моея, и возненавидѣти лукавая дѣла, и творити волю Твою. Поклнонъ.

Господи, аща праведника спасаеши, и великая тому дарствуеши, ничтоже велико и ничтоже дивно: достоинъ бо есть Твоея милости, и, яко мздовоздатель, даруеши ему по обѣщанію Твоему. Но то есть велико и преславно, Христе Царю, и слышанію чудесно, и всѣми преудивлено, не точію земнымъ, но тѣмъ небеснымъ силамъ, превосходитъ всякъ умъ Твое милосердіе, аще мене грѣшника спасеши чрезъ надежду спасенія моего. Поклонъ.

О небесный царю, Христе Боже мой, привлецы мя къ Себѣ милосердымъ Твоимъ человѣколюбіемъ, еже прежде бывшихъ самъ милостивъ взыска, якоже Павла бывшаго гонителя, и сосуда избраннаго того сотвори, и Матѳея отъ мытницы благовѣстника показа, и Плакидѣ на животнѣмъ явлейся, того къ себѣ приведе, и мнозѣхъ въ первыхъ родѣхъ и въ послѣднихъ и неволяща приведе, быша паки избранни Ти Богу. Вся Тебѣ возможна, Владыко, и ничто же не невозможно: привлецы и мене къ себѣ, и уязви сердце мое по Тебѣ, разженне божественнымъ раченіемъ, яко огня пламенемъ, палящимъ выну, распалитися желаніемъ любве къ Тебѣ, да отъ всея души моея и отъ всего помышленія и отъ всея крѣпости моея и силы сердечнымъ желаніемъ и теплою вѣрою отнынѣ въ чистотѣ послужити до скончанія живота моего, и да пріиму отъ Тебе милость въ день праведнаго Ти суда.

Поклонъ.

Даруй ми Господи, Іисусе Христе Боже мой, Тебѣ царю вѣчному во вся дни и часы прилѣплятися, яко да ми подаси обѣтованія Твоя, святая, благая, и почести небесныхъ вѣнца, предлежащихъ въ царскихъ ти сокровищахъ, во царствіи Твоемъ, во вѣки безконечныя. Поклонъ.

Господи, многія моя грѣхи своимъ милосердіемъ очисти, помилуй и спаси мя. Поклонъ.

Человѣколюбче, царю Вышній, въ первый часъ пришедшаго дне сего, призри на мя милостивнѣ, и помилуй мя. Поклонъ.

ВЕЧЕРОМЪ И ВЪ ПОЛУНОЩИ.

Господи Боже мой, отпусти ми вся содѣянная мною согрѣшенія въ часъ сей, яже въ словесѣхъ, и въ дѣлѣхъ, и въ помышленіи, въ вѣдѣніи и невѣдѣніи, и соблюди мя отъ всякаго ловленія непріязненна сатанина, дне сего и въ нощь сію, присно огради мя, святыми ангелы твоими. Поклонъ.

Боже, помилуй мя окаяннаго, страстнаго блудника, нечистаго пса.

Поклонъ.

О пресвятая Дѣво Богородице, припадаю Ти, Владычице, помилуй мя многогрѣшнаго, и пріими нынѣ моленіе изъ устъ скверныхъ раба твоего. Моли о мнѣ грѣшнемъ Сына своего и Бога нашего оставленіе грѣховъ даровати ми, яко да Твоими молитвами обрящу милость въ день судный.

Поклонъ.

О великій предстателю и чиноначальниче Михаиле архистратиже, въ разлученіи тѣлесе грѣшныя души моея предстани ми со ангелы. Яко отъ Господа поручена ти есть власть души вѣрныхъ изъ телеси пріимати, пріими душу мою, кротко, съ плачевнымъ воздыханіемъ моимъ молю тя. И еще нынѣ, въ жизни сей, сохрани мя неуязвенна отъ всякаго прилога діаволя, до конца живота моего. Поклонъ.

О великій мой заступникъ и хранителю, ангеле Господень, буди молитвенникъ о мнѣ грѣшнемъ рабѣ твоемъ ко Христу и пречистѣй Его Матери, и помощникъ крѣпокъ отъ лица врагъ моихъ, всегда предстоя въ помощь мнѣ: рцы души моей: спасеніе твое есмь азъ. Поклонъ.

О святый Іоанне, пророче, предтече и крестителю Господень, и покаянія проповѣдниче, благоволи и умоли Христа, иже отъ души покаяти ми ся изъ среды сердца твоимъ ходатайствомъ. Поклонъ.

О святіи апостоли, льсти искоренителіе и благовѣрію учителіе, благоволите умолити Христа Бога, иже всегда имѣти ми память смертную и плачь по Бозѣ. Поклонъ.

О святіи святителіе Христовы и учителіе всемирніи, Василіе великій, Григоріе Богослове, Іоанне Златоусте, Игнатіе Богоносче, благоволите умоумолить Христа Бога имѣти ми страхъ Божій, нищелюбіе и нищету паче богатства. Поклонъ.

О святіи Христовы мученицы, пострадавше за Христа: первомучениче архидіаконе Стефане, Георгіе, Ѳеодоре, Димитріе и 40 мученикъ, и святіи мученицы Борисе и Глѣбе, благоволите умолити Христа Бога, еже любити ми Бога, якоже самый той грѣхъ мною сотворенный, и возненавидѣти его.

Поклонъ.

О святіи богоносніи отцы наши: великіи Антоніе, Евѳиміе, Савво, Ефреме, великіи Антоніе и Ѳеодосіе печерскіи, и вси святіи, благоволите умолити Христа Бога всегда имѣти ми совершенное смиреніе, и сокрушеніе сердца, и любовь нелицемѣрну. Поклонъ.

Сыне и Слово Божіе, Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ, и помози, и спаси душы наша, аминь. Поклонъ.

И ПО КОНЦѢ КОЕГОЖДО ПРАВИЛА ГЛАГОЛИ СІИ СТИХИ. МОЛИТВА СВ. КИРИЛЛА, ГЛАГОЛЕМАЯ ПО ВСЯ ДНИ.

Владыко Господи Іисусе Христе Боже нашъ, приклони ми ухо Твое, и услыши мя, припадающа имени Твоему о всемъ и всячески. Вонми ми, возопію къ державѣ Твоей и къ власти и силѣ, молютися, и припадаю. Господи Боже мой, даромъ божественнымъ внимая мнѣ, и услыши моего худаго моленія, (имярекъ), молящаго Ти ся о всѣхъ и за вся.

Помяни, Господи, вся, плавающыя по водѣ, и въ путь ходящыя и труждающаяся.

Помяни, Господи, вдовицы и сироты, и странствующая, и алчущая, и жаждущая.

Помяни, Господи, сущихъ въ темницахъ, и во узахъ, и въ бѣдахъ, и въ плачехъ, и въ болѣзнехъ тяжкихъ одержимыхъ. Великая Твоя милость да обыдетъ ихъ, яко человѣколюбецъ.

Помяни, Господи, скорбящихъ, и душевно болящихъ, и уязвляемыхъ лукавыми стрѣлами грѣховными.

Помяни, Господи, мучащихся, и въ тѣснотѣ, и въ напастехъ страждущихъ.

Излей каплю сладости на сердца Твоего и животворящаго Духа, да наслаждаеми насыщаеми славятъ Твою благостыню. О Владыко Господи, услыши мя нынѣ недостойнаго раба Твоего, (имярекъ), молящаго ти ся о всѣхъ и за вся.

Помяни Господи патріархи, архіепископы и епископы.

Помяни Господи архіепископа нашего, (имярекъ), со архимандриты и игумены, іереи и діаконы, и чтецы, и всякаго церковнаго чина, ихже постави пастыри словеснаго Твоего стада. Пріими, Господи, приносимыя Ти отъ нихъ молитвы за міръ.

Помяни, Господи, правовѣрныя цари и князи.

Помяни, Господи, и благовѣрнаго великаго князя нашего, (имярекъ): подай же ему, Господи, здравіе тѣлеси и души спасеніе, и державу его миромъ огради, и на супостаты его укрѣпи: люди умножи, землю угобзи: даруй ему, Господи, въ сердцѣ разумъ благъ о церквахъ Твоихъ и о священницехъ и монашескомъ чину.

Помяни, Господи, архимандриты и игумены, и вся сущая въ монастырехъ, и служащая имъ.

Помяни, Господи, отца нашего игумена, (имярекъ), архимандрита, строителя и стража душъ нашихъ, подай же ему, Господи, здравіе и спасеніе и отпущеніе грѣховъ, и управленіе въ вѣчную жизнь: молитвами его очисти, Господи, согрѣшенія.

Помяни, Господи всю, еже о Христѣ, отцы и братію нашу сію, (имярекъ), собравшихся во святую обитель сію, имени Твоего ради. Исполни, Господи прошенія ихъ, яже ко спасенію, и всѣхъ насъ помяни во царствіи небеснѣмъ, и причастники сотвори вѣчныя радости.

Помяни, Господи, всякаго инока и иконома, и служащыя монахи. и всякаго черноризца и черноризецъ, иже въ монастырехъ и во особыхъ мѣстѣхъ. Молитвами ихъ очисти, Господи, и моя согрѣшенія.

Помяни, Господи, братію мою и сестры моя и вся сродники моя, яже самъ вѣси и имена ихъ. (Здѣсь поминай еликихъ хощеши, имярекъ).

Помяни, Господи, тѣхъ, иже колиждо мнѣ добро сотвориша, или рекоша, или помыслиша.

Помяни, Господи, тѣхъ, иже колиждо мнѣ зло сотвориша, или рекоша или помыслиша.

Помяни, Господи, всякое православное христіанство, юношы и старцы, вдовицы и сироты, рабы, свободныя, богатыя и нищыя, и сущыя во оклеветаніи, озлобленныя и томимыя по гнѣву. Еше молютися, о Владыко пресвятый, избави, Господи, градъ сей и страну сію отъ всякаго зла: отъ огня, и потопа, и напрасныя смерти, отъ глада, отъ усобныя рати, и отъ нахожденія иноплеменникъ: и плѣненныя восвояси возврати.

Помяни Господи, яко благъ и человѣколюбецъ Богъ, по множеству щедротъ Твоихъ, и мене окаяннаго недостойнаго раба Твоего, (имярекъ), и отпусти ми, Господи, всяко прегрѣшеніе, вольное и невольное. Очисти ми Господи, душу и тѣло отъ всякихъ скверныхъ, и не мерзко Ти буди воздыханіе убогія моея души, безотчествующія предъ Тобою. Еще молю Тя, о Владыко пресвятый, избави, Господи, ограду сію монастырскую, въ нейже пребываемъ, отъ всякаго зла: отъ огня и потопа, отъ глада и отъ напрасныя смерти, и усобныя рати. И подай же намъ, Господи, всяко прошеніе, душевное и тѣлесное, и не отврати лица Твоего отъ моленія моего: не посрами же единаго отъ насъ, но вся ны введи въ царство небесное.

Помяни, Господи, преставльшаяся рабы Твоя: вселенскія патріархи, святѣйшія митрополиты, благочестивыя цари и царицы, благовѣрныя князи, и священноархіепископы, благовѣрныя княгини, и священноиноки, и иноки и инокини, и вся православныя христіаны.

Помяни, Господи, отца моего, и матерь, и братію, и сестры и вся сродники моя мужеска полу и женска. (здѣ поминай умершихъ, имярекъ).

Помяни, Господи, всякаго племени христіанскаго рода, и вся, елика вѣроваша въ Тя, Іисуса Христа Сына Божія. Покой я, Господи, идѣже вси праведники почиваютъ, и остави имъ, Господи, всякое прегрѣшеніе, вольное и невольное, яже согрѣшиша на земли сей, въ вѣдѣніи и не въ вѣдѣніи, во

всемъ животѣ своемъ, дѣломъ и словомъ и помышленіемъ. И облегчи тяготу рабъ Твоихъ, не пріемшихъ святыхъ таинъ Твоихъ.

О Владыко пресвятый, пріими молитву мою, недостойнаго раба Твоего, (имярекъ), молящагося о всѣхъ и за вся. И даждь ми, Господи, до послѣдняго издыханія Тебѣ предстояти, и просити отпущенія грѣховъ. И во страшный оный день, предъ страшнымъ престоломъ Твоимъ, одесную Тебе стати сподоби, молитвами пресвятыя Твоея Матере, Владычицы нашея Богородицы, силою честнаго и животворящаго креста, и святыхъ небесныхъ силъ, Михаила и Гавріила, и святаго Крестителя Твоего Предтечи Іоанна, и святыхъ верховныхъ апостолъ, Петра и Павла, и обоюнадесяте, и святаго собора седмидесяти апостоловъ, и всѣхъ святыхъ пророкъ, и святыхъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, и святыхъ отецъ триста и осмьнадесять, и святыхъ преподобныхъ отецъ нашихъ: Антонія, Саввы, Евѳимія, Ѳеодосія іерусалимскаго, и преподобнаго отца Онуѳрія, и иже во святыхъ преподобнаго отца нашего Ѳеодосія Печерскаго, всея Руси свѣтильника, иже обѣщавшаго за насъ слово отдати на страшнѣмъ Твоемъ судѣ, на немже, Господи, и мене неосужденна сохрани, въ мирѣ управи жизнь мою, молитвами его и всѣхъ святыхъ, иже отъ вѣка Тебѣ благоугодившихъ, всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Таже, по обычаю отпустъ.

Спаси, Господи, и помилуй ненавидящихъ и обидящихъ мя, и враждующихъ ми, и творящихъ ми пакость, и поношающихъ ми, такоже и оклеветающихъ мя; да никто же, никако же отъ нихъ мене ради нечистаго зло нѣкако постраждетъ, ни въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ни въ будущемъ. Но очисти ихъ милостію своею, и покрый ихъ благодатію своею, Благій. Поклонъ.

Помилуй, Господи, и спаси милостію своею и мене грѣшнаго и недостойнаго и еще, по Твоему благоволенію, жизни сей живущаго. Прости ми вся грѣхи моя, и спаси мя на всякомъ мѣстѣ: или въ пути ходящаго, или по водамъ плавающа, или гдѣ пребывающа, избавляя мя отъ насилія вражія и отъ того находящихъ на мя, уязвляемыхъ стрѣлъ грѣховныхъ, и соблюдая мя отъ всякія противныя брани, во всякое время, въ нощи же и во дни, отъ напрасныя смерти и бѣдъ, и скорбей, недугъ и болѣзней тяжкихъ. И безмятеженъ животъ, и покаянію время, и исходъ миренъ души подай же ми *).

---

*) Извлечено изъ «Твореній святаго отца нашего Кирилла епископа Туровскаго». Кіевъ, 1880.

И мы будемъ такими . . . .

«Сыне человѣчь, оживутъ-ли кости сія?» И рекохъ: Господи Боже, Ты вѣси сія. (Іезек» 37, 3).

Люблю бывать по временамъ,
Гдѣ скрыта тайна жизни нашей,
Гдѣ, можетъ быть, сокроюсь самъ
Вслѣдъ за испитой смертной чашей . . .
Здѣсь я минуты провожу,
Томимъ уныньемъ неисцѣльно,
И здѣсь отраду нахожу,
Когда душа скорбитъ смертельно.
Смолкаетъ тутъ житейскій шумъ
И, вмѣсто мыслей горделивыхъ,
Приходитъ рядъ суровыхъ думъ,
Судей нелестныхъ, справедливыхъ.
Передо мной убогій храмъ *)
Наполненъ мертвыми костями,
Они свидѣтельствуютъ намъ,
Что мы такими-жъ будемъ сами.
Немного лѣтъ тому назадъ,
Какъ жили тѣ земные гости,
И вотъ ушли они въ «свой градъ»,
Оставивъ намъ лишь эти кости.
Не въ силахъ были и они
Владѣть собой въ иную пору:
И между ними, какъ людьми,
Бывали ссоры изъ за сору!
Теперь, довольные судьбой,
Лежатъ, другъ другу не мѣшая;
Они не спорятъ межъ собой:
Своя-ли полка, иль чужая.
Мы тоже гости на землѣ,
И намъ лежитъ туда дорога;
Идемъ по ней въ какой то мглѣ,
Не видя вѣчности порога.
И святость любимъ и грѣшимъ;
Гонясь за счастіемъ — страдаемъ;
Куда-то всякій день спѣшимъ
И то, что важно, забываемъ.

---

*) Какъ извѣстно, на Аѳонѣ, по истеченіи трехъ лѣтъ со дня смерти покойника, кости его вынимаютъ изъ могилы и складываютъ въ усыпальницѣ. Такимъ образомъ, въ каждой обители имѣется подобный складъ костей, представляющихъ собою умилительное зрѣлище: черепа рядышкомъ на полкахъ, а прочія кости всѣ въ кучѣ особо.

Боимся смерти и суда,
Желаемъ здѣсь пожить подольше,
Стараясь избѣгать труда,
И чтобъ скопить всего побольше.
Не можемъ слова перенесть,
Иль чуть не ласковаго взгляда,
А скорбныхъ испытаній крестъ —
Для насъ мучительнѣе ада.
Другихъ винимъ почти всегда,
Хоть сами Бога прогнѣвляемъ,
Себя-жъ винить мы никогда
И въ самомъ маломъ не дерзаемъ.
Для личной прихоти своей
Готовы потомъ обливаться,
Не спать подрядъ и пять ночей,
Во всѣ опасности пускаться;
Кривить душой на всякій часъ,
Безбожно совѣсть попирая,
И все, что только тѣшитъ насъ,
Къ себѣ усердно загребая.
За честь всегда стоимъ горой,
Цѣнимъ труды свои и знанья,
И невниманье къ нимъ порой
Приноситъ намъ души терзанья.
Таковъ есть страстный человѣкъ,
Хвастливый богъ земнаго рая!
Онъ суетится весь свой вѣкъ,
Покоя день и ночь не зная.
И всѣмъ безумно дорожитъ,
Пока здоровьемъ обладаетъ;
Когда жъ болѣзнь его сразитъ,
Совсѣмъ другой тогда бываетъ.
Ударитъ грозный смертный часъ —
Душа грѣховная смутится...
И все, что дорого для насъ,
Со всѣмъ навѣкъ должны проститься.
Безсильны нѣжности друзей,
Ничтожны цѣнности имѣній:
Они не могутъ жизни сей
Продлить хоть нѣсколько мгновеній.
Напрасно съ помощью спѣшатъ,
И врачъ искусство изощряетъ:
Больному все труднѣй дышать —
И онъ, конечно, умираетъ.
Хладѣетъ грудь и тухнетъ взоръ,

Всѣ чувства рабски умолкаютъ;
И насъ, какъ будто нѣкій соръ,
Поспѣшно въ землю зарываютъ...
Затѣмъ немного надо знать,
Что съ нами здѣсь потомъ бываетъ:
Вотъ эти кости говорятъ..
Имъ наша совѣсть довѣряетъ.
Одинъ моментъ — и жизнь мечта!..
Зачѣмъ-же столько треволненій?
Зачѣмъ вся эта суета
И масса горькихъ наслажденій?
Мы забываемъ тотъ урокъ,
Который смерть намъ повторяетъ,
Что жизнь дана на краткій срокъ
И дѣтства дважды не бываетъ.
О, смерть, кому ты не страшна?
Кому ты только вожделѣнна?!
Блаженъ, кто ждетъ тебя, какъ сна,
Кто помнитъ, что душа безсмертна;
И нѣтъ несчастнѣе того,
Кто вспомнить о тебѣ страшится:
Вся жизнь — мученье для него,
И сей, однако, онъ лишится.
А тамъ — для праведныхъ покой
И радость вѣчно со святыми:
Для грѣшныхъ — адъ съ кромѣшней тьмой,
И участь ихъ съ бѣсами злыми.
Теперь, быть можетъ, что иной
Одежды всякій день мѣняетъ;
Умретъ — положатъ лишь въ одной,
И той случайно не бываетъ.
А тотъ, кто даромъ мудреца
Владѣетъ, Бога же не знаетъ,
Умретъ — положатъ лишь въ одной,
Напрасно только жизнь теряетъ.
Недалеко ужъ этотъ срокъ
И эта къ вѣчности дорога...
Припомни мудрый тотъ урокъ:
«Познай себя — познаешь Бога».
Познай, откуда ты и кто,
Зачѣмъ пришелъ, куда идешь; —
Что ты великъ, и ты — ничто,
Что ты безсмертенъ, и — умрешь.

Монахъ Виталій
Крестовоздвиженской обители на св. Аѳонѣ.